

15.6.95.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«Сергей был нежный, *Рос. вестн. - 1995 - 15 июня - с. 7.* мало ли что о нем мелют...»

После смерти поэта его мать носила только черное

Напротив музейного общежития проживала коренная константиновская крестьянка, уже старая женщина. Довольно часто Анну Макаровну навещали дети и внуки из Москвы, а однажды приехала старшая дочь из Свердловска с мужем и сыновьями. Когда старший из внуков, мой ровесник, узнал, что я работаю в музее, сказал:

- А мой отец жил у матери Есенина... как родной, поговори с ним, может быть, что-нибудь любопытное выудишь...

Я пообещал, но... Лишь через год, в юбилейной горячке, вспомнил о зяте Анны Макаровны. И вот Николай Васильевич Ануров вспоминает:

- Да, баба Таня была для меня маманей (в Константинове все внуки зовут своих бабушек ма-

манями, чисто местное словцо), ведь я у нее со своей матерью три года прожил. Самые тяжелые годы были, война, как-никак, ну и все такое... - Тут Николай Васильевич замолчал и задумался о чем-то надолго.

Я тоже ничего не говорил. Рас-терялся, с трудом осознавая, что для моего собеседника Татьяна Федоровна так и останется навсегда «только» маманей, а не матерью великого русского поэта - прежде всего. Сам Николай Васильевич своим видом подсказал мне такое заключение: он весь как-то засветился изнутри, только лишь вспомнив свое военное отрочество. И как бы наполнил жизненным содержанием есенинское поэтическое признание: «Я нежно болен воспоминаньем детства». А ког-

да в процессе разговора по инерции я пытался порой «настроить» Николая Васильевича на более высокую что ли волну, «тактично» напоминая ему, с каким человеком он провел незабываемые три года, мой старший товарищ как-то сразу внутренне тускнел и съеживался...

Сейчас можно постараться логически объяснить происшедшее с Николаем Васильевичем. Он любил Есенина и его мать не потому, что приобщал, «примысливал» себя к всенародной славе поэта, он любил их внутри себя, в самых сокровенных уголках сердца. Ни прибавить, ни убавить в этом чувстве ничего нельзя.

Да и причем здесь для Николая Васильевича напыщенное - мать великого русского поэта, -

когда простая русская крестьянка в 1943 году приняла подростка и его маму к себе в дом, потому что тем негде было жить. Мальчик Коля копал огород, чистил снег, колот дрова и носил воду старой женщине, ставшей для него маманей.

Он рассказывал о своем заветном прошлом очень просто, без лишних эмоциональных красок. Из скурых полупамеков можно было догадаться, что мама Сергея Есенина была на редкость молчаливая, строгозамкнутая женщина...

Трудно было унять желание вытянуть побольше «любопытного», но я все же старался как можно меньше «подталкивать» своего собеседника. И был за это вознагражден выразительной деталью.

... Я как-то спросил у нее мол, почему ты, мамаян, все время в черном ходишь? А она мне улыбается в ответ: «Меня все Монашкой зовут, да я не потому в черном хожу: как Сергея похоронила, так вот и не снимаю этот наряд...»

Николай Васильевич вспомнил характерное по отношению к человеческой сути Сергея Есенина слово - **нежный**. Не только сын и не только брат, а нечто более емкое: «Сергей был нежный, мало ли что о нем мелют, а он был совсем не такой...»

Это сказано уже после смерти поэта. Сказано матерью. Той, которой в трудную для нее минуту поэт как бы прошептал:

Милая, добрая, старая, нежная,

С думами этими ты не дружись,

Слушай - под эту гармонику снежную

Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,

Много любил и много страдал,

И оттого хулиганил и пьянствовал,

Что лучше тебя никого не видал.

Геннадий ЦУКАНОВ.

